

А. Е. Радеев

КОНЦЕПТ ТЕРРИТОРИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФИЛОСОФИИ И ЭСТЕТИКИ*

Говорят, студенты философского факультета в процессе своего обучения проходят через стадии, которые кратко можно резюмировать так:

- студент первого курса: «Все глупые, один я умный»;
- студент третьего курса: «Все глупые, один Гегель (Кант, Ницше, Хайдеггер — нужно подчеркнуть) умный»;
- студент пятого курса: «Все умные, один я глупый».

При всей условности и шуточности этого распределения интеллектуальных усилий студента здесь схватываются три модуса возможного отношения к предмету, в особенности если этот предмет лишь недавно попал в поле зрения:

1) отношение радикального скепсиса: «в этом предмете нет ничего нового», «это набор банальностей под маской чего-то нового», «это очень искусственный предмет»;

2) отношение принятия предмета только под определенным ракурсом: «если этот предмет и заслуживает внимания, то только если его связать с...», «самое главное в этом предмете — то, что его можно сопоставить с...»;

3) отношение полного принятия предмета: «предмет, раз о нём говорят, точно обладает определенной значимостью», «раз есть понятие для обозначения этого предмета — значит, в нём точно есть какой-то смысл», «если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно».

Следует признать, что во всех трех формах отношения есть положительные моменты, необходимые для производства смысла: радикальное отрицание позволяет оттачивать аргументацию и не останавливаться на достигнутом при рассмотрении предмета; радикальное принятие позволяет встать на позицию презумпции мысли, без чего не может развиваться никакая действенная форма; наконец, ракурсное принятие позволяет испытать на предмете новые ходы и может открыть новые горизонты проблематизации. Эти три отношения с точностью воспроизводятся, если сегодня заходит речь об экологической эстетике, явлении относительно новом в отечественном мыслительном пространстве. Именно поэтому при столкновении с экологической эстетикой аналитику приходится решать, какая из трех позиций представляется ему наиболее продуктивной.

Однако есть и другой срез разговора об экологической эстетике. Всякое новое явление в философии ждет одна и та же участь: как только оно заявляет о себе в полный рост, так тут же возникает целая плеяда теорий и движений (отчасти забытых, отчасти девальвированных или потерявших свое былое очарование), претендующих на роль духовных отцов, — и каждое из них настаивает на том, что именно оно сформировало

Радеев Артём Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики и философии культуры СПбГУ; e-mail: artem_@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-03-00533 «Роль экологической эстетики в сохранении ценностей культуры».

© А. Е. Радеев, 2013

это новое явление и что именно в свете этого духовного отцовства и следует понимать достоинства нового явления. Так пишется история современности, если под ней понимать набор новых явлений, напрямую связанных со своими духовными отцами. Впрочем, история — дама ироничная: она устраивает потешные бои между различными претендентами на духовное отцовство, зная, что спор этот неразрешим в ретроспективном ключе.

Феномен экологической эстетики — из этой же серии. Будучи новым явлением, она обросла множеством контекстов, каждый из которых претендует на первостепенное значение. В этом свете важно не столько искать определяющий контекст экологической эстетики, сколько предлагать разные ракурсы и быть внимательным к тому, какие именно новые смыслы они высвечивают.

Ниже я хотел бы заявить именно ракурсное рассмотрение экологической эстетики, предложив в качестве путеводной нити концепт территории, столь часто встречающийся в философском мыслительном пространстве. Для этого я сконцентрируюсь на роли этого концепта в философии, покажу, какие традиции сформировались вокруг него, предложу варианты преломления этого концепта в эстетике и обрисую, как этот концепт формирует различные традиции в экологической эстетике.

Концепт территории в философии. Слово, но не концепт «территория» (или его аналог) в философском дискурсе используется давно. Уже в античности территория связывается прежде всего с политическим пространством, и у Аристотеля можно встретить в разных местах обзор того, как следует понимать территорию государства [1, с. 423]. Политический контекст «территории» можно встретить у Макиавелли, Локка, Руссо; современная политическая философия также активно использует понятие территории. Параллельно с этим складывается собственно философия пространства, где последнее понимается как одна из категорий, позволяющих упорядочить представление о сущем. Категория пространства становится настолько классической для философии, что множество понятий, в том числе и «территория», подчиняются этой категории как ее субституты или частные случаи.

В этом ключе очень важно обратить внимание на две важные традиции, которые сформировались вокруг концепта территории. Речь идет о двух вариантах трансцендентальной философии, для которых «территория» оказалась важным концептом, собирающим вокруг себя контексты смыслов, развивающихся за счет принципиальной позиции в отношении понимания территории.

Один вариант — кантовский. Дело не в философии пространства, ставшей у Канта настолько определяющей, что до сих пор можно смело вести споры о том, насколько его понимание оказалось (или не оказалось) перекрытым дальнейшими изысканиями. Речь о другом и, казалось бы, частном случае его трансцендентализма, когда в «Критике способности суждения» Кант развивает сеть концептов «почва» (*territorium*) — «область» (*ditio*) — «место пребывания» (*domicilium*). Эту сеть схематично можно представить в виде концентрических кругов: у всякой области есть та часть (*territorium*), где возможно познание; в свою очередь, «территория» подразумевает две своих части — ту, где есть законодательство (*ditio*), и ту, где его нет (*domicilium*) [2, с. 13].

Несложно заметить, что смысл «территории» — в том, что в ней выделяются законодательная (чистая) и незаконодательная (эмпирическая) зоны. Другими словами, территория подразумевает зоны чистоты (трансцендентальное поле) и зоны нечистот (эмпирическое поле), при этом задача трансцендентальной философии — оберегать

границы между трансцендентальным и эмпирическим. Можно сказать, что сам проект трансцендентализма у Канта — это проект поиска на территории границы между зоной чистоты и нечистоты и проект оберегания, сохранения этих границ, т. е. следует делать всё, чтобы, как сказал бы Кант, ни в коем случае эмпирическое не мыслилось в категориях трансцендентального — и наоборот.

Другой вариант понимания территории был реализован в рамках так называемого «трансцендентального эмпиризма» Делёза — Гваттари. Следует признать, что на сегодня их проект шизоанализа, возникший в 1970-е годы и переживший пик популярности в конце XX в., остается не до конца проясненным как в силу своих особенностей, так и в силу различных внешних причин. Но совершенно ясно, что этот проект строился в том числе на особом понимании территории, альтернативном, в конечном счете, кантовскому пониманию.

Зафиксируем основные моменты этого понимания. Территория мыслится как смысловое пространство, определяющееся тремя процессами: территоризацией, де- и ретерриторизацией. Этими процессами обозначается перманентное выстраивание границ (территоризация) различных потоков (социальных, чувственных, мыслительных); раскодирование этих потоков, нарушение выстроенных границ и взаимоперетекание потоков друг в друга (детерриторизация); восстановление этих потоков в их границах в виде заложенной в них тенденции эти потоки снова обернуть в раскодирование (ретерриторизация) [3, с. 60]. Этот тройной процесс характеризует всякую форму смысла, и собственно в усмотрении его и состоит один из срезов понимания шизоанализа.

Таким образом, если сравнивать, пусть и в беглом изложении, кантовскую линию трансцендентализма в понимании территории с пониманием шизоаналитическим, то несложно заметить характерную для них границу. Первая линия исходит из такого понимания территории, которое связано с процессами деления: главное — отделить одну зону от другой, чтобы граница между ними оставалась нетронутой и чтобы сохранить единство отделяемых элементов. Вторая линия не только предполагает преодоление границ, но и сама территория понимается как процесс движения этих границ, т. е. процессы множественности. В одном случае мы имеем дело со своеобразным философским консерватизмом (сохранение обеспечивает существование и развитие того, что есть), во втором случае перед нами прямо противоположный вариант философского радикализма (нарушение границ обеспечивает существование и развитие того, что есть); в одном случае территория делит, отделяет и *разделяет*, во втором случае территория множит, умножает и *размножает*.

Значение концепта территории для эстетики. Современное представление об эстетике отличается явной тенденцией ко всеохватности. Если в классической эстетике можно было четко выделить две составляющие (эстетику субъекта, т. е. анализ чувственности как формы возможного опыта, и эстетику объекта, т. е. анализ искусства как формы действительного опыта), то с начала XX столетия в силу внутренне-эстетических факторов (девальвации субъект-объектного деления, переоценки понимания искусства, отказа от понимания чувственности как чувства удовольствия/неудовольствия) и множества внешних (философских и научных) причин сфера действия эстетики расширилась и стала включать в себя самые разнообразные предметные области, так что стало возможным говорить о тотальной эстетизации как характерной черте культуры XX в.

Тем не менее, какими бы сложными ни представлялись пути современной эстетики, проблематика чувственности остается для нее центральной. Именно в этом ключе можно выделить три аспекта преломления концепта территории в эстетике.

В *первом* преломлении сама чувственность понимается как то, что делит (выделяет) предметную область, или же как то, что сочетает (множит) предметные области. В одном случае на чувственность накладывается груз деления. Так, в романтической и экзистенциальной философии чувственность трактуется именно как своеобразный маркер событийности: чувственный опыт интерпретируется в режиме уникальности, неповторяемости и «мимолетности», а «человек чувствующий» отделяет себя от «человека разумного» именно в силу того, что разумность — это акт обобщающий, а чувствование — акт уделяющий. Напротив, в истории эстетики (особенно в современном ее режиме) всё чаще появляются трактовки чувственности, согласно которым чувственный акт — это прежде всего акт сочетаемости инородного. Так, современная эстетика креативности построена на этом принципе сочетания несочетаемого (а сама креативность понимается как нестандартность в стандартном), следы чего можно обнаружить в теории и практике дизайна и рекламы. Другим вариантом такого «сочетательного» понимания чувственности является концепция эстетизации политического (где сама суть политического понимается не как «разделяй и властвуй!», а как «умножай и ускользай!»).

Во *втором* преломлении чувственность сама создает территории (в двух ее пониманиях). Наиболее характерной с точки зрения классической эстетики территорией чувственности являлось искусство, но и в этом случае мы можем наблюдать две тенденции. В рамках одной из них искусство трактуется в его жесткой противоположности природе, а в самом искусстве выделяются виды, разграниченные по разным основаниям (так называемая морфология искусства). В рамках другой тенденции можно наблюдать, как в эстетике (даже в ее классическом варианте) проявляется направление на принципиальное переплетение границ искусства и природы (а также искусства и знания, искусства и религии, искусства и ремесла), а в рамках морфологии искусства наиболее важными признаются те тенденции развития искусства, которые строятся на сочетаемости различных искусств (или, как предлагал Р. Вагнер, на создании абсолютного искусства, в котором все видовые различия взаимно перетекают друг в друга).

В *третьем* преломлении чувственность находит свое воплощение в особом понимании территории, окружающего пространства, которое, в свою очередь, также трактуется двояко (как территория деления и как территория умножения). Именно в рамках этого третьего преломления мы встречаемся с экологической эстетикой, и именно поэтому мы вправе ожидать, что встретим два ее варианта.

О двух традициях в экологической эстетике. Экософия, экофеминизм, глубинная экология, экопсихология, экотеология — этот ряд современных наук и движений, выстроенный вокруг экологии, вызывает скорее подозрение в паразитарности и потому некачественности, нежели предположение о важности и необходимости экотематики. Если в этот ряд добавить экологическую эстетику, то на первый взгляд, от такого добавления скорее проигрывает сама же экологическая эстетика, нежели выигрывает экотематика.

Тем не менее было бы неверно мазать одним миром названные выше движения. Среди них есть одно, которое напрямую связано с формами современной экологиче-

ской эстетики: это экософия, сформировавшаяся за последние десятилетия в двух ее вариантах — А. Нэсса и Ф. Гваттари.

Норвежский философ А. Нэсс в своем определении экософии как «философии экологической гармонии или баланса» подчеркивает именно сохранительный аспект: «Направления интересов экософии вариативны и включают не только факты загрязнения, ресурсы, население и т. д., но и ценностные приоритеты» [4, р. 8]. Смысл экософии — гармонично выстроить отношения между человеком, обществом и природой. Примечательно, что это понимание экософии согласуется со знаменитым лозунгом польско-американского философа и семиотика А. Кожибски, который он выдвинул еще в 1931 г.: «Карта — это не территория» — лозунгом, изначально призванным объяснить отношение символа и объекта и вошедшим затем в так называемую экологию разума Г. Бэйтсона, в теорию НЛП и даже концепцию развития человека С. Грофа. Лозунг «Карта — это не территория» применительно к экософии А. Нэсса подчеркивает, что задача экософии — не столько выстраивать охранительные барьеры, сколько формировать определенные ценностные ориентиры относительно этих охранительных барьеров; экософия должна создавать определенную карту представлений о территории (в широком и узком смысле слова), поскольку сама эта территория подразумевает, что есть в ней то, что должно оставаться чистым, нетронутым, отделенным.

Сами ценностные ориентиры были сформулированы А. Нэссом как «базовые принципы движения глубинной экологии», основным из которых было провозглашено то, что «благоденствие и процветание человеческой и нечеловеческой жизни на Земле имеют ценность сами по себе; эти ценности независимы от их полезности для нечеловеческого мира» (цит. по: [5]).

Альтернативную концепцию экософии предложил Ф. Гваттари. В целом ряде статей (ключевая из них — «Три экологии» [6]) он развивает идею множественности, противостоящей холизму природы, общества и человека. Каждая из этих систем существует в ризоматических отношениях (которые соответствуют трем процессам територизации), и потому три вида экологии — социальную, ментальную и экологию окружающей среды — необходимо рассматривать в таком взаимодействии, что невозможно отдать идеологическое предпочтение ни одной из них. Это видно из того, подчеркивает Ф. Гваттари, что природа давно уже стала неотделимой частью культуры; мы должны научиться мыслить не идеологически, а транверсально [6, р. 135].

Эти две традиции экософии являются своеобразными посредниками между трансцендентализмом в понимании территории и современным образом экологической эстетики.

В самом деле, из кантианской линии и через экософию А. Нэсса сформировалась одна из самых мощных современных традиций экоэстетики — финская. Как отмечает А. Хаппала, одним из трендов современной финской эстетики — как в силу особенностей природных ресурсов Финляндии, так и в силу интереса к классическому философскому наследию — стала именно консервативная линия экоэстетики [7]. Для этой линии характерно, во-первых, понимание чувственности как выделения зон активности субъекта, во-вторых — определение особой территории чувственности (окружающая среда), в пределах которой необходимо, в-третьих, эстетически выделить особые зоны, служащие предметом эстетического удовольствия. Чувственность понимается как делящий акт, и экологическая эстетика тут методологически основана прежде всего на «разделяй и властвуй».

С другой стороны, совершенно четко прослеживается и тенденция к формированию другой линии, пролегающей от шизоаналитического понимания территории через проект экософии Ф. Гваттари к современному альтернативному экоэстетическому движению. Следует отметить, что эта вторая линия в значительно меньшей степени институционализована и выражена скорее в именах (Ж. Делёз, Ф. Гваттари, С. Жижек), нежели в сформировавшихся концепциях, — а потому заслуживает отдельного дальнейшего изучения как на уровне более детальной теоретической проработки, так и на уровне поиска практических воплощений в современной экоэстетике. Можно предположить, что в рамках этой линии найдут свое выражение три преломления экологической эстетики: во-первых, эта эстетика будет исходить из понимания чувственности как формы сочетаемости инородного; во-вторых, этой эстетике будет свойственно движение к поиску ризоматических связей между искусством, природой и иными областями; наконец, в-третьих, сама территория понимается ею не как зона границы между чистотой и нечистотой, а как территория, которой свойственны процессы территоризации, де- и ретерриторизации потоков, пробегающих по ее телу. Чувственность тут трактуется как множачий акт, а методологическим основанием для этой экологической эстетики является прежде всего «умножай и ускользай».

Указанный второй вариант экоэстетики может стать не только интеллектуальным экспериментом по поиску новых концептов, но и практической формой реализации новой чувственности, которая дистанцируется от любых форм консервации.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
2. *Кант И.* Критика способности суждения // Соч.: в 8 т. Т. 5. М.: Чоро, 1994. С. 5–330.
3. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
4. *The Deep Ecology Movement: An Introductory Anthology* / ed. by A. Drengson, Y. Inoue. Berkeley: North Atlantic Publishers, 1995. 328 p.
5. *Drengson A.* Ecophilosophy, Ecosophy and the Deep Ecology Movement: An Overview // *Ecospheric Ethics*: [website]. URL: <http://www.ecospherics.net/pages/DrengEcophil.html> (дата обращения: 01.11.2012).
6. *Guattari F.* The Three Ecologies // *New Formations*. Iss. 8. Summer 1989. P. 131–147.
7. *Naapala A.* Contemporary Finnish Aesthetics // *Philosophy Compass*. Vol. 6, Iss. 1. January 2011. P. 1–10.

Статья поступила в редакцию 5 марта 2013 г.